

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Г л а в а XXX ¹⁾.

Въ настоящей главѣ мнѣ придется вернуться къ тому, о чемъ я уже говорила раньше, а именно по поводу столкновений турокъ съ христіанами на религіозной почвѣ и утверждать, что прискорбныя событія эти обыкновенно вызываются или армянами или греками.

Замѣчено также было мною, что колонисты западныхъ расъ, если и подвергались опасности въ моменты взрыва мусульманскаго фанатизма, то чисто по стихійнымъ причинамъ. Отсюда легко понять, что сказанное явленіе обуславливается болѣе культурнымъ отношеніемъ послѣднихъ къ убѣжденіямъ и вѣрованіямъ другихъ.

Это вовсе не мое личное мнѣніе, а существующій фактъ.

Такъ уже принято съ незапамятныхъ временъ считать турка гонителемъ христіанскихъ народностей, вошедшихъ въ составъ его государства.

Что было раньше, въ отдаленнѣйшія эпохи его историческаго существованія, то уже миновало безвозвратно — съ тѣхъ поръ все измѣнилось по иному, а сейчасъ господствующій народъ Оттоманской имперіи болѣе угнетенъ у себя же на родинѣ, чѣмъ подвластныя ему племена, далеко перешедшія за предѣлы бывшей зависимости.

Кровавое происшествіе, о которомъ я намѣрена рассказать здѣсь, въ достаточной степени опредѣляетъ характеръ грека и турка

¹⁾ См. „Русскую Старину“ августъ 1910 г.

и можетъ также послужить нѣкоторымъ образомъ иллюстраціей къ тѣмъ отношеніямъ, которыя сложились между ними.

Вотъ, какъ примѣръ, сценка, гдѣ наглядно выступаетъ несимпатичная черта эллина по отношенію къ набожному мусульманину.

Въ галлереяхъ и колоннадахъ, окружающихъ дворы мечетей, всегда можно видѣть множество всякаго люда разныхъ національностей, толкающихся здѣсь, кто по дѣламъ торговли, а кто и такъ, любопытства ради.

Молодые греки или „паликаріи“¹⁾, какъ зовутъ ихъ тамъ, также являются сюда погулять и за неимѣніемъ болѣе интересныхъ развлеченій, а вѣрнѣе отъ избытка удалства и задора, нерѣдко устраиваютъ себѣ такого рода потѣху.

Магометане, какъ извѣстно, входятъ въ мечети босикомъ, а обувь кладутъ возлѣ себя рядомъ на коверъ или цыновку, покрывающіе мраморный полъ храма.

Съ лицомъ, обращеннымъ въ сторону Мекки, и ритмически раскачиваясь въ тактъ каждой строкѣ священнаго писанія, читаемаго муллою, исламить пламенно молится пророку и весь уходитъ въ небеса. Охваченный религіознымъ экстазомъ, онъ дѣлается чуждъ внѣшнимъ впечатлѣніямъ и готовъ скорѣе согласиться умереть, чѣмъ не исполнить хотя бы одного изъ обрядовъ намаза²⁾, установленныхъ Кораномъ.

Пользуясь этимъ, нѣсколько сорванцовъ, специалистовъ по части скандаловъ, украдкой проникаютъ черезъ боковыя двери въ мечеть и, выждавъ минуту наивысшаго подъема восторженнаго настроенія молящихся, начинаютъ безобразничать: кладутъ на склоненныя головы бумажки, щепки и что попало, а затѣмъ ускользаютъ, какъ тѣни, захвативъ съ собою обувь богомольцевъ, и разбрасываютъ ее по улицамъ.

Видятъ ли мусульмане продѣлки эти, или ничего не замѣчаютъ, погруженные въ самосозерцаніе—неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ знаютъ о нихъ. Понятно, что такія непристойныя выходки молодцовъ также способствуютъ нарастанію недобрыхъ чувствъ къ грекамъ, такъ какъ только они, да еще армяне разрѣшаютъ себѣ подобныя забавы.

Но вернемся къ обѣщанному мною разсказу.

Въ Турецкой имперіи, какъ для охраны посольствъ, такъ и

¹⁾ Молодцы, парни, а прежде такъ вазывали наемныхъ солдатъ для турецкихъ войскъ.

²⁾ Ежедневныя молитвы и омовенія, обязательныя пять разъ въ день.

консуловъ, принято нанимать магометанъ вообще: арнаутовъ, албанцевъ, турокъ изъ запасныхъ и др.

У моего дяди былъ всего одинъ кавасъ, малоазіатскій уроженецъ изъ разбойничьяго племени Лазовъ. Звали его Али. Любилъ онъ насъ до фанатизма и преданъ былъ всей душой. За всю долготную службу свою при нашемъ консульствѣ, онъ единственный разъ позволилъ себѣ выразить неудовольствіе по поводу слѣдующаго смѣшнаго совпаденія.

Какъ-то Мидхадъ-паша, возвращаясь изъ Багдада, привезъ оттуда въ подарокъ намъ громаднаго бѣлаго кота съ разноцвѣтными глазами: голубымъ и зеленымъ. Надо же было случиться тому, что и кота звали „Али“.

Узнавъ объ этомъ, самолюбивый азіатъ обидѣлся и тотчасъ же заявилъ намъ, что животное не имѣетъ права носить одинакое имя съ правовѣрнымъ мусульманиномъ, и тутъ же выразилъ опасеніе, что благодаря такому досадному случаю, онъ рискуетъ сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ со стороны своихъ коллегъ при другихъ консулахъ, а также и домашней прислуги.

Тогда рѣшено было назвать четвероногого тезку нашего каваса какъ-нибудь иначе; провести такую важную реформу оказалось не совсѣмъ-то легко: новопривышій не отзывался на другія клички и видимо дорожилъ даннымъ ему при рожденіи именемъ.

Послѣ долгихъ обсужденій и споровъ мы подошли, наконецъ, къ компромиссу и мужское „Али“ замѣнили женскимъ „Лили“. Такой простѣйшій пріемъ уладилъ дѣло къ общему удовольствію: котъ даже не замѣтилъ фальсификаціи, а вѣрный стражъ нашего дома успокоился.

Въ правы послѣдователей Ислама вошло такое правило: „чей хлѣбъ ты ѣшь и кому служишь, того береги, какъ душу свою“. Судите сами, что на людей съ подобными убѣжденіями можно положиться вполне. Вотъ почему всѣ агенты дипломатіи въ Оттоманскомъ государствѣ берутъ тѣлохранителями къ себѣ непременно магометанъ.

Однажды съ балкона я замѣтила необычайное движеніе по всему протяженію дороги, примыкающей къ крѣпости, и вскорѣ мимо нашего дома скакали всадницы, сидя верхами по-мужски на ослахъ и мулахъ, посиѣшно направляясь къ югу въ сторону горъ. То были турчанки изъ цитадели и предмѣстій. Видъ ихъ казался очень страннымъ: всѣ безъ исключенія держали въ объятіяхъ кто дѣтей, кто узлы съ подушками, направляя бѣгъ животныхъ ударами ногъ по ихъ бокамъ, а привязанная къ сѣдламъ кухонная батарея мѣдныхъ тазовъ и кастрюль оглушительно звенѣла и тархтѣла.

Сначала можно было подумать, что дракону опять пришла фантазія учинить новую каверзу на небесахъ; но солнце еще не закатилось, и въ ближайшемъ будущемъ не предвидѣлось затменія луны.

Вдругъ издали донесся залпъ ружейнаго огня въ перемежку съ громкими воплями множества голосовъ, а съ крѣпостныхъ валовъ, не взирая на сіяніе дня, треща, взвились ракеты.

— Господи, спаси насъ!—закричала вбѣжавшая на балконъ Marie,—да вѣдь это сигналы къ избіенію христіанъ!...

Какъ бы въ отвѣтъ на сказанное ею, снова раздались оглушительные выстрѣлы, и эхо яростныхъ криковъ покатилося оттуда.

Въ то же время вернулся съ базара нашъ поварь-французъ и, еле дыша отъ испуга, подтвердилъ, что въ городѣ вспыхнуло волненіе, и что турецкіе солдаты стрѣляютъ въ христіанъ; но изъ чего собственно произошло все это—онъ не зналъ.

— А гдѣ же мужъ мой?!—оглянулась Marie и въ ужасѣ заметалась по комнатамъ. Но послѣдняго и слѣдъ простылъ: выдавшій всякіе виды и положенія за многіе годы жизни своей на мусульманскомъ востоцѣ, дядя не растерялся и по первой же тревогѣ немедленно бросился къ губернатору.

Узнавъ объ этомъ отъ прислуги, тетя, рыдая, вернулась ко мнѣ и трепетнымъ голосомъ проговорила: „идемъ, умоляю тебя, и умремъ вмѣстѣ съ нимъ“.

Я повиновалась, и мы, что было силы, полетѣли, какъ на крыльяхъ къ мѣсту происшествія.

Изнемогая и задыхаясь, намъ приходилось еще и наталкиваться на множество препятствій нашему стремительному бѣгу: все населеніе Хиоса было на ногахъ и толпилось въ проходахъ узенькихъ улицъ и по набережной, загораживая путь.

Невообразимая сумятица царила здѣсь: всѣ, даже женщины, тащили съ берега кто что могъ: лодки, бревна, камни, бочки и тутъ же воздвигали баррикады.

Окна заколачивались досками.

Кто-то крикнулъ, что шейхи собрались на тайное совѣщаніе въ главной крѣпостной мечети, и возгласъ этотъ произвелъ страшный переполохъ: жители странъ полумѣсяца прекрасно знаютъ, чего можно ожидать послѣ такихъ собраній...

Мы двинулись дальше.

— Боже мой!—думалось мнѣ,—идемъ на вѣрную смерть подъ выстрѣлы озвѣрѣвшихъ солдатъ, а жизнь такъ хороша!... Горькія слезы отчаянія хлынули изъ глазъ, и безумная тоска сжала сердце.

„Нѣтъ, такъ не должно быть, еще есть надежда“,—мелькало не-

ясно въ головѣ: „мы встрѣтимъ Тафти-бея—онъ, конечно, тамъ по долгу службы—и отдадимся подъ его защиту“, ухватилась я за эту мысль; но сейчасъ же и оставила ее, вспомнивъ, что наши взаимныя съ нимъ отношенія уже были не тѣ со времени печальнаго инцидента съ Августомъ Жаба.

Еще одно обстоятельство увеличивало опасность для насъ: на рейдѣ кромѣ греческаго паруснаго флота коммерсантовъ не стояло на якорѣ ни одного военного корабля подъ европейскимъ флагомъ; но зато сильная турецкая эскадра имѣла здѣсь постоянную станцію.

Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, намъ удалось все-таки добраться до той стѣны цитадели, противъ которой находился конакъ нашалыка, и то, что мы увидѣли здѣсь, обѣщало мало хорошаго: изъ крѣпостныхъ воротъ выѣзжала артиллерія съ шестью пушками—положеніе, какъ видно, обострялось.

Мы смѣшались съ толпой и бодро пошли впередъ, намѣреваясь проникнуть въ резиденцію губернатора.

Изъ говора вокругъ можно было понять, что не далѣе, какъ часъ тому назадъ, въ горячей схваткѣ съ греками турки разстрѣляли здѣсь на площади какихъ-то прохожихъ изъ европейскаго квартала.

Не могу выразить чувство смертельнаго ужаса, охватившаго насъ при этомъ: мы рванулись дальше, разспрашивая по пути, не видалъ ли кто-нибудь русскаго консула? Но магометане отвѣчали негодующими взглядами и отворачивались, а левантинцы, пришедшіе сюда изъ католической колоніи, ничего не знали о немъ.

У входа въ конакъ намъ пришлось остановиться: часовые и отрядъ моряковъ, окруживъ дворецъ вплотную, не пропускали туда никого, кромѣ консуловъ; но между ними не было дяди.

Не оказалось здѣсь и того, къ кому летѣли сейчасъ мои мечты и надежды.

— Вотъ и права Magic, — вздохнула я, — утверждая, что никогда мстительное сердце азіата не проститъ женщинѣ даже минутнаго заблужденія—а вѣдь любилъ-то какъ!...

Кругомъ зловѣще рокотали людскія волны и грозили опрокинуть насъ въ бездны.

Въ толпѣ военныхъ я встрѣтилась глазами со старичкомъ-офицеромъ изъ артиллерійскаго парка, Хассаномъ-Эфенди. Этотъ бѣдняга былъ обязанъ лично мнѣ матеріальной помощью въ трудную минуту жизни, и я, при случаѣ, расскажу его грустную повѣсть. Но, видно, онъ не рѣшался на глазахъ охваченной буйнымъ порывомъ толпы солдатъ оказать мнѣ знаки участія и, скрививъ ротъ на подобіе улыбки, поспѣшно отошелъ въ сторону.

Но странной психологія вещей, человѣку, находящемуся въ самыхъ опасныхъ и критическихъ положеніяхъ, всегда лѣзутъ въ голову совершенно постороннія и неумѣстныя мысли—это извѣстно каждому. Таково было и мое настроеніе тогда.

Окруженная массой враждебно настроенныхъ людей и сознавая весь ужасъ подобной обстановки, я въ то же время незамѣтно углублялась въ размышленія о томъ, что не мѣшало бы воспользоваться столь удобнымъ случаемъ и прославить себя какимъ-нибудь удивительнымъ подвигомъ, въ родѣ, на примѣръ, Жанны д'Аркъ, и разгоряченное воображеніе уже рисовало мнѣ авансомъ заманчивыя картины овацій, энтузіазма спасенныхъ мною христіанъ, восхваленій на газетныхъ столбцахъ мужества, энергіи, находчивости, которыя я собиралась еще проявить при дальнѣйшемъ ходѣ настоящаго событія, какъ вдругъ восклицаніе Магіе вернуло мою уже „знаменитую“ особу изъ области фантазіи къ дѣйствительности:

— Смотри! на балконѣ адъютантъ—ахъ, если бы позвать его!

Но Тарти уже замѣтилъ насъ и поспѣшилъ сойти внизъ. Не добрая! усмѣшка скользнула по лицу его, когда наши взгляды встрѣтились, но онъ тотчасъ же отвернулся отъ меня. Затѣмъ, раскланиваясь съ теткой, бей очень вѣжливо проговорилъ:

— Вашъ мужъ у Кіамиль-паши—если угодно, я проведу васъ туда же?

Магіе со слезами на глазахъ поблагодарила его.

По данному имъ знаку цѣпь караула разомкнулась и, пропустивъ насъ, вновь сомкнулась.

Мы проворно взбѣжали наверхъ и вошли въ пріемную.

Тамъ происходило нѣчто странное: окруженный мѣстными агентами дипломатівъ, въ числѣ которыхъ мы, наконецъ, увидѣли того, кого такъ страстно искали, губернаторъ стоялъ посреди комнаты, и видъ его былъ достоинъ глубокаго состраданія: всей фигурой своей онъ напоминалъ человѣка, пришибленнаго ужаснымъ несчастіемъ, глаза растерянно блуждали, а черты лица носили слѣды чрезмѣрной усталости и болѣзненнаго состоянія.

Консула, также крайне взволнованные, горячились и видимо угрожали ему чѣмъ-то. Онъ же безпомощно разводилъ руками и призывалъ во свидѣтели имя Аллаха.

Послѣ довольно продолжительныхъ преній и обсужденій вопроса, Кіамиль-паша въ рѣшительномъ тонѣ заявилъ, что беретъ на себя всю отвѣтственность и ручается за безопасность христіанскаго населенія во ввѣренномъ ему пашалыкѣ.

Желая во что бы то ни стало выступить въ роли героини, какъ было задумано мной, я, съ невольнымъ порывомъ высокихъ

чувствъ,—хотя и не лишенныхъ въ глубинахъ своихъ честолюбивыхъ поползновеній на славу Орлеанской дѣвы,—бросилась къ намъ и, обливаясь потокомъ горячихъ слезъ, стала умолять его о защитѣ всѣхъ насъ, христіанъ, и доказывать ему, что таковы, вообще, обязанности мудраго и справедливаго правителя страны.

Турки почему-то считаютъ ниже своего достоинства обнаруживать чувство удивленія, и эта характерная черта сказалась и здѣсь: мое развязное обращеніе съ нимъ, да еще въ присутствіи столькихъ мужчинъ, что уже само по себѣ съ мусульманской точки зрѣнія заслуживало порицанія, тѣмъ не менѣе, не вызвало ни малѣйшаго измѣненія въ выраженіи его лица: тихо, вѣжливо и не волнуясь, онъ отвѣтилъ:

— Богъ съ вами, *mademoiselle!* успокойтесь, мы не звѣри.... но какова подлость и дерзость тѣхъ.... И Кіамиль-паша замолчалъ, не договоривъ чего-то.

Засимъ, повторивъ обѣщаніе уладить все, какъ слѣдуетъ, онъ спустился внизъ, на плацъ и явился передъ толпой бушевавшихъ солдатъ.

О чемъ бесѣдовалъ съ ними начальникъ края—не извѣстно; но мы сами видѣли изъ оконъ его кабинета, какъ гарнизонъ безъ всякихъ колебаній снялся съ мѣста и мѣрнымъ шагомъ сталъ удаляться по направленію казармъ.

Вернувшись обратно наверхъ, губернаторъ увѣренно объявилъ намъ, что требованія г.г. представителей державъ онъ выполнилъ въ точности, самолично успокоивъ взволнованные умы и угомонивъ не въ мѣру расходившіяся страсти, такъ что бояться новыхъ вспышекъ фанатизма не имѣлось къ тому, по его словамъ, никакихъ основаній, а потому, молъ, онъ и предлагаетъ почтенному собранію разойтись по домамъ, чтобы отдохнуть послѣ тревогъ протекшаго дня.

Тогда мы всѣ вмѣстѣ покинули конакъ и вышли на опустѣвшую площадь. Красные лучи заката уже догорали, скользя по вершинамъ горнаго хребта, а на море и землю ложилась темная, южная ночь; отдаленные звуки затихающей городской жизни таяли и умирали въ прозрачномъ воздухѣ, и только одинъ протяжный голосъ муэдзина, призывавшаго къ вечерней молитвѣ, нарушалъ загадочное безмолвіе, царившее надъ ареной кроваваго столкновенія османовъ съ элиномъ, этихъ вѣковыхъ сожителей на цвѣтущей, прекрасной родинѣ Гомера.

Паша сказалъ правду: все обстояло благополучно.

Но мы заблуждались: то было только начало, а продолженіе не замедлило наступить.

Г л а в а XXXI.

Отъ нашихъ спутниковъ по дорогѣ я узнала, наконецъ, изъ-за чего собственно возникло прискорбное недоразумѣніе, результатомъ котораго было столько жертвъ.

Взрывъ негодованія мусульманъ произошелъ, какъ и всегда, на религіозной почвѣ; но съ нашей европейской точки зрѣнія поводомъ къ тому, что случилось, послужилъ прямо таки анекдотъ, о которомъ говорить-то нельзя безъ смѣха, и сказавшій это, греческій консулъ, г. Мильтіади закатился хохотомъ.

Дѣло было такъ. На базаръ пришелъ грекъ и купилъ у турецкаго мясника кусокъ баранины. Разговорились и заспорили о преимуществахъ религій. Православный хвалилъ свою вѣру, а магометанинъ съ глубокимъ убѣжденіемъ возражалъ, что Исламъ выше и что Магометъ самый главный пророкъ Аллаха.

Глупый грекъ отвѣтилъ, что Магометъ вовсе и не пророкъ, а „мошенникъ“ и „дуракъ“....

Назови онъ своего собесѣдника дуракомъ или еще болѣе обиднымъ прозвищемъ, турокъ отвѣтилъ бы ему тѣмъ же, и ссора ихъ не пошла бы дальше обыкновенной перебранки, а затѣмъ оба разошлись бы какъ ни въ чемъ не бывало до новой, пріятной встрѣчи.

Но пламенная душа османа не вынесла поношенія невѣрнымъ величайшей святыни Ислама и съ воплемъ: „гяуръ ругаетъ нашего пророка“—вонзилъ ему въ сердце тотъ самый ножъ, которымъ рѣзалъ баранину.

Этого возгласа мясника было достаточно, чтобы разбудить въ сердцахъ мусульманъ звѣря. Сосѣдніе торговцы турки, а также пришедшіе сюда матросы военной эскадры съ грозными криками бросились на покупателей-христіанъ и принялись съ ожесточеніемъ ихъ бить.

По роковой случайности въ сказанный моментъ шель мимо базара къ таможенѣ караулъ часовыхъ на смѣну. Шумъ и суматоха привлекли вниманіе ихъ. Съ прямкнутыми штыками и ускореннымъ шагомъ они тотчасъ же прибыли къ мѣсту происшествія; но вмѣсто того, чтобы помочь избиваемымъ, солдаты сами пришли въ ярость и учинили форменную рѣзню.

Нѣсколько человѣкъ было убито и много ранено.

Греки, хотя и большіе задиры, но все-таки очень храбрый народъ, моментально сьорганизовались и при помощи подоспѣвшихъ съ набережной паликаровъ дали туркамъ внушительный отпоръ.

Одновременно на другомъ концѣ города разыгралась другая не менѣ ужасная драма.

Въ крѣпость къ старьевщикамъ, которые тамъ всегда торговали, пришли два греческихъ священника; пока шла купля и продажа тряпья, прибѣжалъ сюда же избитый паликарами турокъ и началъ вопить, что греки издѣваются надъ именемъ пророка и рѣжутъ правовѣрныхъ.

Гарнизонъ вспыхнулъ, какъ порохъ, и въ первую голову опрокинулся на нихъ въ чемъ неповинныхъ стариковъ. Обвиняя послѣднихъ въ подстрекательствѣ народа противъ религіи Магомета, турки принялась съ ожесточеніемъ рвать имъ бороды, волосы и безпощадно мучить ихъ.

Обезумѣвъ окончательно и не слушая увѣщаній коменданта и офицеровъ, солдаты съ оружіемъ въ рукахъ кинулись на площадь и подняли отчаянную стрѣльбу по всѣмъ безъ разбора прохожимъ, которыхъ бывало здѣсь всегда очень много въ базарные часы дня, такъ какъ мимо цитадели шли дороги къ предмѣстьямъ и во внутрь страны.

— Да неужели же,—спросить, вѣроятно, будущій читатель этихъ строкъ,—могло возникнуть такое серьезное волненіе, благодаря только нелѣпой выходкѣ невѣжественнаго грека?

— Да!—будетъ мой отвѣтъ,—такъ оно и было въ дѣйствительности, и такова жизнь вообще, что изъ мелочей нерѣдко создаются великія драмы. Но во всякомъ случаѣ фактъ остается фактомъ, и я передаю его на этихъ страницахъ.

Раскаты ружейнаго огня подняли тревогу и вызвали панику въ гаремахъ. Тогда на арену событія выступили представители духовной власти, шейхи и улемы. Но вмѣсто того, чтобы успокоить разгорѣвшіяся страсти, они сами прониклись настроеніемъ толпы и стали во главѣ движенія.

Слишкомъ опытные въ такихъ дѣлахъ и очень дальновидные, хитроумные руководители мусульманской совѣсти тотчасъ же учли количественный перевѣсъ греческаго населенія, а отсюда вѣроятность активнаго выступленія послѣднихъ и приняли къ тому соответствующія мѣры.

Но ихъ указанія женщины и дѣти были поспѣшно отправлены въ горы и деревни на южную сторону острова, а съ валовъ крѣпости даны сигнальныя ракеты. Значеніе послѣднихъ знаютъ все живущіе на магометанскомъ Востокѣ: въ моментъ взрыва религіознаго фанатизма обыкновенно ими призываются исламиты къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ противъ невѣрныхъ гяуровъ.

Дядя мой показался на площади въ самый разгаръ буйной

вспышки солдатъ; но ему удалось пробраться къ конаку и подняться наверхъ къ губернатору, котораго онъ засталъ въ состояніи полнѣйшей растерянности и недоумѣнія, но нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ имъ на ухо смущенному до потери сознанія начальнику края, было достаточно, чтобы вывести его изъ столбняка и заставить дѣйствовать.

Магическое средство, такъ быстро отрезвившее нашу, было хорошо извѣстно тогда всѣмъ сановникамъ Высокой Порты и называлось оно „генераль Игнатьевъ“ — только и всего!

Вернувшись домой, Магіе стала звать зачѣмъ-то нашего каваса; но его не оказалось. Это обстоятельство удивило всѣхъ, такъ какъ Али никогда не отлучался безъ разрѣшенія на то.

Дядя, по обязанности вице-консула, отправился на телеграфную станцію, чтобы сообщить въ Посольство о происшествіи.

Мы подошли къ окнамъ, выходившимъ на море, открыли ихъ и тотчасъ же замѣтили, что съ берега Малой Азіи пускали ракеты: видимо шелъ обмѣнъ сигнализациі съ Чесмой, также подвластной Хюсскому пашалыку.

— Странно! — думалось намъ, — къ чему же сейчасъ эти условные знаки, когда, по словамъ Кіамиль-паши, инцидентъ уже былъ исчерпанъ и продолженіе его не предвидѣлось?

Магіе взяла подзорную трубку, а я вооружилась очень сильнымъ биноклемъ, и обѣ мы углубились въ наблюденіе за рейдомъ.

На сколько глазъ обнималъ водное пространство, отдѣлявшее насъ отъ материка, не видно было, чтобы оттуда снѣшили къ острову. Также оставалось загадкой, о чемъ собственно берегъ увѣдомлялъ сосѣда? Вскорѣ, однако, погасли яркія точки ракетъ, шумъ жизни умолкъ, и нѣмая тишина ночи водарилась подъ небесами.

Только видъ броненосной эскадры, неподвижно стоящей на якоряхъ у стѣнъ цитадели, не соответствовалъ данной минутѣ наступившаго покоя въ мусульманскомъ мірѣ — восточные народы ложатся спать вмѣстѣ съ закатомъ солнца, въ силу чего и на корабляхъ Оттоманскаго флота послѣ удара вечерней пушки весь экипажъ, кромѣ вахты, отходитъ ко сну. Но въ сказанный моментъ то, что происходило тамъ, привлекло къ себѣ наше усиленное вниманіе: по неосвѣщеннымъ палубамъ и вышкамъ морскихъ гигантовъ, выступая изъ темноты, скользили, подобно призракамъ, въ неясныхъ очертаніяхъ человѣческія фигуры, то внезапно исчезая съ поля зрѣнія, то появляясь вновь.

При слабомъ свѣтѣ народившейся луны, намъ все-таки удалось разсмотрѣть, что блуждающіе силуэты прятались за борта, опускаая

въ море концы веревокъ и вантъ, но для какой цѣли это дѣлалось—мы не могли понять.

Вдругъ серпъ мѣсяца нырнулъ за облака, и черный мракъ окуталъ атмосферу.

Волна робко взбѣжала на отмель, проснулась вѣтерокъ и снялъ вуаль, за которымъ скрывалась молодая луна.

— Ахъ!—слабо вскрикнула Marie—береговые башибузуки! ну, теперь смотри, — указала она на черную громаду одного изъ фрегатовъ, у кормы котораго качалась на вспѣнной водѣ цѣлая флотилія быстрокрылыхъ, малоазіатскихъ кайковъ.

Съ чрезвычайнымъ напряженіемъ мы стали слѣдить изъ темной комнаты за эволюціями неожиданныхъ визитеровъ.

Тогда мнѣ стало казаться, что все это сонъ или фантазмагорія какая-то: въ невѣрномъ сіяніи лучей полумѣсяца, сквозь дымки теплыхъ испареній я видѣла, какъ со дна лодокъ поднимались на воздухъ тѣни, сливаясь въ безформенныя массы, дрожали, погружаясь въ туманъ и безслѣдно пропадали.

— Просто бредъ разстроеннаго воображенія или я во власти кошмара, — проносилось въ головѣ, — явились неизвѣстно откуда, точно изъ глубины морской, и растаяли на глазахъ...

— Башибузуки,—какое страшное слово!—говорила я, протирая себѣ глаза,—и что имъ здѣсь надо?...

— Къ несчастію, мы узнаемъ объ этомъ, вѣроятно, сегодня же ночью,—отвѣтила Marie.

Но какъ случилось, что анатолійскіе посѣтители ускользнули отъ нашихъ наблюденій и такъ незамѣтно подкрались къ рейду—осталось нерѣшеннымъ вопросомъ.

Когда же мы вновь навели бинокли по прежнему направленію, то оказалось, что „феерія“ уже была закончена, и занавѣсъ опущенъ: корабли, отбрасывая черныя тѣни, спали безмятежнымъ сномъ на своихъ якоряхъ, и ничто не указывало на присутствіе за ихъ стальными бортами живыхъ существъ, а по гребнямъ взволнованнаго легкою зыбью моря двигались еле замѣтныя точки, убѣгая въ даль, и мы знали, что то была легкая флотилія, спѣшившая къ роднымъ берегамъ, но уже безъ пассажировъ, которые остались погостить на безмолвной, неподвижной эскадрѣ... Тогда я убѣдилась, что это не сонъ и не бредъ, и что предстоитъ нѣчто весьма важное.

Г л а в а XXXII.

Вскорѣ затѣмъ вернулся дядя и сообщилъ, что на основаніи распоряженія губернатора, телеграфъ не принялъ его шифрованной дещеши. Тогда онъ, сохраняя текстъ на русскомъ языкѣ, переписалъ ее латинскимъ шрифтомъ. И въ этомъ также отказали. А на заявленное имъ желаніе снестись съ нашимъ консуломъ въ Смирнѣ, ему отвѣтили, что телеграфировать можно кому угодно, но только съ открытымъ содержаніемъ и по-французски.

Подчиниться требованію турецкаго цензора было бы совсѣмъ неудобно, такъ какъ въ донесеніи заключалась просьба прислать военное судно подъ европейскимъ флагомъ. Такой шагъ со стороны агента дипломатіи означалъ бы недостатокъ довѣрія къ обѣщаніямъ Кіамиль-паши успокоить населеніе и могъ бы оскорбить его. Такъ и пришлось уйти ни съ чѣмъ.

Тогда было рѣшено не спать до утра и ждать событій. На всякій случай надо было подумать и о самозащитѣ: позвали всѣхъ служащихъ въ конторѣ и роздали имъ запасъ оружія, который имѣлся всегда въ консульствѣ.

Около 3-хъ часовъ ночи возвратился неизвѣстно откуда и нашъ тѣлохранитель. Онъ былъ задумчивъ и видимо чѣмъ-то сильно озабоченъ. Послѣ замѣтнаго колебанія Али улыбнулся и ласково заговорилъ:

— Но почему коконы ¹⁾ не спятъ еще? развѣ можно ночью сидѣть у оконъ—долго ли заболѣть, да охранить ихъ Аллахъ!—И, обращаясь ко мнѣ, немедленно перешелъ въ ворчливый тонъ по установившейся въ немъ привычкѣ распекать меня:

— Иди ²⁾ къ себѣ, коковица ³⁾, и отдохни,—произнесъ онъ строго и повелительно,—и не бойся ничего: Али будетъ смотрѣть, чтобы злые люди не разбудили тебя,—и онъ приложилъ ладонь къ щекѣ и закрылъ глаза, выражая этимъ, что я могу ввѣриться его защитѣ.

Тогда мы догадались, что нашъ добрый, вѣрный кавасъ былъ на тайномъ совѣщаніи, и прекрасно поняли значеніе сказаннаго имъ: за текущую ночь онъ ручался, а иначе преданный намъ всей душой Али говорилъ бы совсѣмъ другое. Несомнѣнно, что онъ на-

¹⁾ Коконъ по-новогречески—госпожа; но и турки называютъ такъ европейскихъ дамъ.

²⁾ Въ турецкомъ языкѣ не существуетъ форма обращенія къ единичному лицу на „вы“.

³⁾ Уменьшительное отъ „коконы“, т. е. „маленькая госпожа“.

ходилъ въ курсъ дѣла, и ему былъ извѣстенъ планъ, принятый въ секретномъ засѣданіи. Но невольно являлось такого рода соображеніе: если нападеніе на христіанъ не стояло въ программѣ, то для чего же собственно вызваны съ берега банды горцевъ и скрыты въ нѣдрахъ эскадры?

Затѣмъ кавасъ выразилъ желаніе остаться съ своимъ господиномъ вдвоемъ. Мы съ Магіе вышли въ сосѣднюю комнату, откуда намъ все было слышно.

Дядя спросилъ его, почему онъ самъ до сихъ поръ не легъ спать, такъ какъ завтра наступалъ канунъ праздника „Рожденія Магомета“, а, слѣдовательно, надо было встать рано къ утренней молитвѣ въ мечети?

На это Али дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ, прибѣгая по обычаю турокъ къ своеобразнымъ оборотамъ рѣчи:

— Эфендимъ ¹⁾! у меня на сердцѣ тяжелая мысль и большая забота о нашихъ коконахъ: старшая давно не видѣлась съ родными—это не хорошо! а маленькая—охъ, какъ ей скучно здѣсь! Въ Хіосѣ ничего нѣтъ хорошаго, гадкій грекъ—мошенникъ, только и всего!—При этомъ онъ даже презрительно сплюнулъ и продолжалъ:

— Ни музыки хорошей, ни красивыхъ кавалеровъ—ничего нѣтъ, и наша коконница, вотъ увидишь, похудѣетъ и умретъ! Эфендимъ, будь милостивъ, успокой ты меня, стараго слугу: отправь ихъ обѣихъ въ Смирну, а зато Аллахъ сохранитъ тебя отъ всякой бѣды и злыхъ враговъ...

Хитрость его была шита по черному бѣлымъ, и мы поняли, что намъ угрожало что-то, а потому онъ такъ усердно хлопоталъ удалить насъ изъ Хіоса, надѣясь, что его начальникъ, не связанный семьей, отстоятъ себя, какъ и случалось не разъ въ прежніе годы службы моего дяди въ Сиріи, переполненной арабскими разбойниками.

Долго еще убѣждалъ и кланялся Али, прикладывая руку къ сердцу и вытирая украдкой набѣгавшія слезы.

— А когда по-твоему удобнѣе отправить ихъ?—какъ бы наивно спросилъ его дядя.

— На слѣдующій день нашего праздника,—радостно отвѣтилъ онъ,—я буду тогда свободенъ, самъ уложу вещи и отвезу ихъ на пароходъ.

Успокоенный на счетъ нашей участи вѣрный слуга ушелъ къ себѣ.

¹⁾ Благородный господинъ мой.

Чтобы закончить главу, я намѣреваюсь сказать нѣсколько словъ о томъ значеніи, которое принадлежитъ духовенству въ жизни Ислама. Это будетъ и своевременно, такъ какъ читатель пойметъ тогда, почему, напримѣръ, Кіамиль-паша при всей доброй волѣ не могъ бы остановить хода кроваваго событія.

Мусульмане, какъ извѣстно, не признаютъ нашего дѣленія на гражданскія и церковныя законодательства.

Сводъ законовъ у нихъ только одинъ—это Коранъ, а вся полнота абсолютной власти находится въ рукахъ истолкователей вѣлній пророка, и даже свѣтскія прерогативы султана были бы миражомъ, если бъ не калифатъ его, т. е. главенство надъ религіей.

Всѣ эти шейхи, улемы, имамы—вотъ истинные и дѣйствительные властелины душъ и сердце послѣдователей Магомета. Отъ нихъ зависитъ въ желанный часъ объединить народныя массы въ одинъ порывъ и въ одно стремленіе.

Этимъ-то и обуславливается тотъ жуткій страхъ, который овладѣваетъ христіанскимъ населеніемъ, когда становится извѣстнымъ, что правовѣрные собрались на тайное совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ духовныхъ лицъ.

Обыкновенно такія засѣданія открываются въ случаяхъ исключительной важности, напримѣръ, когда вспыхиваютъ страсти религіознаго фанатизма.

Тогда руководители и воспитатели Ислама приглашаютъ своихъ духовныхъ чадъ въ мечети и при закрытыхъ, строго охраняемыхъ, входахъ приступаютъ къ совмѣстному обсужденію способовъ воздѣйствія на невѣрныхъ.

Конечнымъ результатомъ этихъ собраній бываетъ въ большинствѣ случаевъ нападеніе на христіанъ и жестокая рѣзня.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

